

Шакар Решат

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Данная статья отражает результаты изучения системы словообразовательных типов имён существительных, которые благодаря своей словообразовательной структуре участвуют в выражении значения 'живое существо', т.е. составляют словообразовательное поле одушевлённости. Выводы о продуктивности словообразовательных типов делаются на основании данных "Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика". В статье предлагается методика установления центра и периферии анализируемого словообразовательного поля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 189-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)** / отв. ред. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
7. **Ощенко Е. С.** Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 192 с.
8. **Contemporary British Stories.** Oxford: Perspective Publications, Ltd., 2005. 204 p.
9. **Hornby N.** About a Boy. L.: Penguin Books, 1998. 278 p.
10. **Hornby N.** How to Be Good. L.: Penguin Books, 2001. 244 p.

THE GENDER ASPECTS OF A NARRATOR'S LANGUAGE PERSONALITY (BY THE MATERIAL OF CONTEMPORARY BRITISH LITERARY WORKS)

Shaikhutdinova Anna Mikhailovna
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
Aenny281@mail.ru

The article deals with the analysis of gender characteristics of a narrator's language personality. The attempt is made to reveal the peculiarities of the narrator's written speech while rendering it by an author of the opposite sex. It is found out that a female narrative, created by a man-writer, on the set of signs (in particular in the aspects of rationality and certainty), tends to the male type of speech; significant similarity of the male, female and childish narratives of the same author in the choice of lexical and syntactic means is revealed, that allows drawing a conclusion about the idiosyncrasy.

Key words and phrases: language personality; narrator; author; gender linguistics; male/female narrative.

УДК 811.161.1

Данная статья отражает результаты изучения системы словообразовательных типов имён существительных, которые благодаря своей словообразовательной структуре участвуют в выражении значения 'живое существо', т.е. составляют словообразовательное поле одушевлённости. Выводы о продуктивности словообразовательных типов делаются на основании данных «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика». В статье предлагается методика установления центра и периферии анализируемого словообразовательного поля.

Ключевые слова и фразы: языковое поле; структура словообразовательного поля одушевлённости; актуальная лексика XXI века; степень регулярности словообразовательного типа; продуктивные словообразовательные типы.

Шакар Решат

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
resatsakar@hotmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В исследованиях по лингвистике под полем обычно понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [19, с. 380]. Благодаря использованию методики полевой моделирования языковых подсистем удаётся разграничить и описать центральные и периферийные сегменты каждой из этих подсистем [3, с. 17-18]. В последней трети XX века была показана эффективность применения теории языкового поля к явлениям словообразования [23].

Словообразовательное поле одушевлённости как часть функционально-семантического поля одушевлённости-неодушевлённости является одной из малоизученных подсистем русского словообразования (см. подробнее [18; 32; 33; 34]). Нужно отметить, что начало комплексного изучения русских дериватов с точки зрения их способности выражать значение одушевлённости было положено в 1952 году В. В. Виноградовым. В академической «Грамматике русского языка» (переизданной в 1960 г. [9, с. 210-235]) и в первом университетском курсе русской морфологии [27, с. 96-110] В. В. Виноградов выделил несколько групп суффиксов, образующих названия лиц и животных. Эти словообразовательные форманты были отграничены от средств образования имен с предметным и отвлечённым значением.

Однако методика полевой моделирования словообразовательного материала В. В. Виноградовым не использовалась. В начале 50-х гг. её ещё не было, первый опыт подхода к русскому словообразованию с позиций языкового поля был предпринят лишь через 17 лет после указанных публикаций В. В. Виноградова. О. Г. Ревзина в своей книге «Структура словообразовательных полей в славянских языках» обосновала включение всех дериватов с личным и зоонимным значением (т.е. значением живого существа), выраженным деривационными суффиксами, в особое словообразовательное поле («поле деятеля», или поле одушевлённости) [23, с. 6].

Под словообразовательным полем О. Г. Ревзина понимала набор суффиксов, которые «сообщают производным именам одно и то же общее словообразовательное значение» [Там же, с. 10].

Принимая в целом подход О. Г. Ревзиной, мы тем не менее считаем, что, во-первых, словообразовательные поля могут быть не только суффиксальными (ср. дериваты *неправильный*, *аморальный*, *ирреальный*, *антиколониальный* и т.п., представляющие префиксальное поле со значением отрицания признака), а во-вторых, семантика словообразовательного поля может не сводиться к одному словообразовательному значению. Например, у одушевлённых дериватов *учитель*, *умник* и *школьник* словообразовательные значения разные (ср. их обычные формулировки: 'лицо, характеризующее по действию', 'лицо, характеризующее по признаку' и 'лицо, характеризующее по предмету'¹), но выражаемая словообразовательным формантом сема 'лицо' (шире – 'живое существо') позволяет объединить все эти дериваты в одно поле.

Словообразовательное поле одушевлённости противопоставлено другим словообразовательным полям, аффиксальные показатели которых служат для выражения значения неодушевлённости, – полям с предметным и отвлечённым значениями [Там же, с. 6].

Вслед за О. Г. Ревзиной термин «словообразовательное поле» стал использоваться многими исследователями-дериватологами [1; 2; 5; 8; 11; 13; 16; 20; 22; 26, 30]. Исследования такой направленности дают ценную информацию, позволяющую судить о том, как то или иное словообразовательное поле (например, поле одушевлённости) реализуется в общей деривационной системе языка.

Эта система применительно к русскому языку была детально охарактеризована в словообразовательном разделе академической «Русской грамматики» (РГ 1980) [24]. Русская деривационная система включает сотни словообразовательных типов, многие из которых служат для выражения анализируемого нами значения одушевлённости. Однако типы с подобной семантикой не отграничены в РГ 1980 [Там же] от типов с предметным и отвлечённым значениями, и сама терминология полевого анализа в данном фундаментальном труде не используется. Поэтому информация, содержащаяся в РГ 1980 [Там же], может являться лишь исходным пунктом, источником материала для анализа словообразовательных полей, в частности поля одушевлённости.

Перейдём к рассмотрению установленной нами с учетом данных РГ 1980 [Там же] системы русских словообразовательных типов, которые служат для выражения деривационными средствами семантики одушевлённости.

В сфере отглагольной деривации можно обнаружить 27 словообразовательных типов образования одушевлённых существительных – с суффиксами² *-аг(а)* (*бродяга*), *-ак(а)* (*служака*), *-аль* (*макаль*), *-ар* (*дояр*), *-арь* (*токарь*), *-ат(ый)* (*вожатый*), *-атай* (*глашатай*), *-аиш* (*торгаиш*), *-еј-* (*шивея*), *-ён(а)* (*гулёна*), *-ир* (*командир*), *-ит(а)* (*волокита*), *-лец* (*жилец*), *-льщик* (*носильщик*), *-с(а)* (*плакса*), *-тух³* (*пастух*), *-уг(а)* (*хапуга*), *-уй* (*обалдуй*), *-ул(я)* (*воображуля*), *-х(а)* (*выпивоха*), *-ц(а)* (*пропойца*), *-ч(ий)* (*доезжачий*), *-ыг(а)* (*торопыга*), *-ык(а)* (*владыка*), *-ырь* (*пастырь*), *-ј(а)* (*судья*) [Там же, § 214-255]; существует также один тип с нулевым словообразовательным суффиксом: *-ф(а)* (*заика*) [Там же, § 453].

Подобные отглагольные существительные нередко характеризуются как называющие «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом» [Там же, § 214]. Данное определение словообразовательного значения перечисленных выше типов представляется нам неточным. Дело в том, что в РГ 1980 [24] отмечаются примеры и отглагольных зоонимов типа *петух* (← *петь*), *летяга* 'животное из отряда грызунов, похожее на белку, у которого передние ноги соединены с задними широкой летательной перепонкой' [4] и т.п. Ср. также случаи недифференцированного обозначения лица и животного одним и тем же отглагольным дериватом типа *доходяга* 'об измождённом, обессиленном человеке или животном' [Там же]. Таким образом, словообразовательное значение дериватов, входящих в анализируемое словообразовательное поле, связано не только с семой 'лицо'. Лучше говорить о формирующей данное поле гиперсеме 'живое существо', которая является обобщением сем 'лицо' и 'животное' [25, с. 59] и выражается словообразовательными формантами, характерными для данного поля.

По данным РГ 1980, в русском языке можно выделить также 24 словообразовательных типа отадективных одушевлённых дериватов – с суффиксами *-ага* (*бедняга*), *-ай* (*кисляй*), *-ан-* (*чужане*, в формах ед. ч. *-ан-ин:* *чужанин*), *-ан/-иян* (*грубиян*), *-атор* (*новатор*), *-аиш(а)* (*милаша*), *-ей* (*богатеј*), *-ён(а)* (*смирёна*), *-енец* (*младенец*), *-ий* (*аграрий*), *-ил(а)* (*здоровила*), *-ист* (*специалист*), *-к(о)* (*Гнедко*), *-он(я)* (*тихоня*), *-ох(а)* (*нескладёха*), *-ош(а)* (*юноша*), *-уг(а)* (*хитрюга*), *-ук(а)* (*злюка*), *-ул(я)* (*капризуля*), *-ун* (*толстун*), *-иш(а)* (*левиша*), *-щик* (*ядерщик*), *-ышк(а)* (*мальшика*) [24, § 286-314].

Как видно уже из приведённых примеров, среди отадективных одушевлённых дериватов также встречаются не только личные имена типа *специалист*, но и зоонимы типа *Гнедко*, *Серко*, *Воронко*, а также

¹ Как будет показано ниже, при характеристике дериватов с позиции словообразовательного поля во всех подобных дефинициях более правильно было бы говорить не о лице, а о живом существе.

² Для удобства работы со списками суффиксов приводим здесь и далее суффиксы в алфавитном порядке (в РГ 1980 [24] порядок перечисления аффиксов иной).

³ Г. О. Винокур, который впервые обратил внимание в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946) на особенности строения данного слова, охарактеризовал основу *петух-* как нечленимую и непроемную [6, с. 426-427]. Е. А. Земская считала основы типа *петух-* членимыми, но непроемыми [15, с. 320]. В. В. Лопатин в РГ 1980 [24, § 254] рассматривает слово *петух* как производное, со словообразовательным суффиксальным формантом *-ух*. И. А. Ширшов предлагает наиболее убедительное решение относительно структуры слов данного словообразовательного типа. В основах дериватов типа *пастух*, *петух*, а также уст. и шутол. *питух* выделяется, по мнению И. А. Ширшова, глагольная производящая основа (соответственно *нас-*, *пе-*, *пи-*) и словообразовательный формант *-тух*, а не *-ух* [35, с. 619, 641, 657].

дериваты типа *злюка*, обозначающие любое злое живое существо – как лицо, так и животное. Ср. примеры из Национального корпуса русского языка [21]: *С таким злым видом вылетала (эта собака – Р. Ш.) им навстречу, что редкая собака не подождет хвоста и не пустится наутек, не дожидаясь, пока эта серая злюка шишет с ног* (В. Бианки. Лесные были и небылицы); *В кухне под лестницей сидит гусыня-злюка* (И. С. Шмелев. Лето Господне).

Следовательно, можно говорить о существовании более чем 50 словообразовательных типов образования отглагольных и отадективных одушевлённых дериватов-существительных.

Но наиболее обширен и разнообразен круг отсубстантивных существительных, выражающих словообразовательными средствами значение ‘живое существо (лицо или животное)’. РГ 1980 [24] содержит информацию о 66 словообразовательных типах производных существительных – названий лиц и животных, образованных суффиксальным способом от существительных.

Это, прежде всего, 37 словообразовательных типов с мутационным, по М. Докулилу [36, s. 196-199], словообразовательным значением ‘носитель предметного признака’, или, точнее, ‘живое существо (одушевлённый предмет₁), характеризующийся по другому предмету₂ (одушевлённому или неодушевлённому), названному производящей основой’. Словообразовательные типы, выражающие данное словообразовательное значение, характеризуются суффиксами: *-аг(а)* (*стиляга*), *-ал* (*театрал*), *-ан* (*критикан*), *-ан-ин/-чан-ин* (*россиянин*), *-ант* (*музыкант*), *-ар* (*школяр*), *-арий* (*парламентарий*), *-ариус* (*сценариус*), *-ач* (*бородач*), *-аш* (*мордаш*), *-евт* (*терапевт*), *-ей/-ачей* (*грамотей*), *-ён(а)* (*сладёна*), *-ень* (*слизень*), *-ер* (*пенсионер*), *-ет* (*апологет*), *-ец* (*поселенец*), *-ик* (*историк*), *-иот* (*киприот*), *-ист* (*журналист*), *-ич* (*москвич*), *-ич/-ев-ич* (*царевич*), *-л(я)* (*пискля*), *-ман* (*лоцман*), *-мейстер* (*балетмейстер*), *-нич(ий)* (*лесничий*), *-ов(ой)* (*ламповой*), *-смен* (*спортсмен*), *-тяй* (*лентяй*¹), *-ук(а)* (*гадюка*), *-ун* (*драчун*), *-ург* (*драматург*), *-урка* (*снегурка*), *-ух* (*конюх*), *-ш(а)* (*маникюриш*), *-щик* (*трамвайщик*), а также с нулевым словообразовательным суффиксом: *-ø(ий)* (*ризничий*) [24, § 331-379, 466]. На наш взгляд, наличие отсубстантивных дериватов *гадюка*, *слизень* и т.п. следует рассматривать как еще один аргумент в пользу того, что одушевленные дериваты являются обозначениями не только лиц, но и животных.

Кроме того, к полю неодушевлённости можно отнести и несколько групп отсубстантивных типов образования существительных с модификационными, по М. Докулилу, значениями [36, s. 200]. Модификационные словообразовательные значения никогда не связаны с изменением денотата производного слова по сравнению с производящим, дериват информирует о незначительной модификации (по признаку женскости, невзрослости и т.п.) того же предмета, который назван и производящим словом. В этом состоит принципиальное отличие модификационных значений от охарактеризованного выше мутационного словообразовательного значения, выражаемого одушевлёнными существительными типа *стиляга*, *театрал* и т.п., а также от мутационных по своей природе словообразовательных значений рассмотренных нами типов отглагольных и отадективных существительных.

Рассмотрим теперь особенности модификационных словообразовательных значений и их связь с анализируемым нами полем одушевлённости на примере словообразовательной категории женскости (фемининности). Эта категория объединяет 12 отсубстантивных словообразовательных типов с деривационным значением ‘модификация по признаку женскости названия живого существа, которое выражено производящей основой’ (ср.: [24, § 380]). В данную словообразовательную категорию входят дериваты с суффиксами: *-есс(а)* (*стюардесса*), *-ин(а)* (*синьорина*), *-ин(я)* (*богиня*), *-ис(а)* (*актриса*), *-их(а)* (*дворничиха*), *-иц(а)* (*царица*), *-к(а)* (*пассажирка*), *-ниц(а)* (*учительница*), *-ух(а)* (*оленуха*), *-ш(а)* (*библиотекариш*), *-j-* (*лгунья*), а также с нулевым суффиксом: *раба* (← *раб*), *дежурная* (← *дежурный*), *Иванова* (← *Иванов*) и т.п. [Там же, § 381-392, 467].

Особого внимания заслуживает вопрос о том, как связана словообразовательная семантика женскости с истемообразующей для рассматриваемого поля семантикой ‘живое существо’. Эта связь очевидна (живое существо непременно должно быть охарактеризовано по полу, в то время как ни один неодушевленный предмет, ни одно явление или отвлеченное понятие не могут иметь различий по биологическому полу [7, с. 36]). Но суффиксы с модификационной семантикой женскости в словах типа *стюардесса*, *учительница* и т.п. не выражают непосредственно значения ‘живое существо’ (это значение выражено в словах указанного типа не их словообразовательными суффиксами, а мотивирующими компонентами их основ: *стюард-*, *учитель-*). Суффиксы женскости сопутствуют значению ‘живое существо’, предсказывают и подтверждают его. Выполняемая суффиксами женскости функция не прямого, а косвенного указания на живое существо даёт основание включать словообразовательные типы с подобными суффиксами в структуру поля одушевлённости.

Такой же вывод можно сделать и еще об одной модификационной словообразовательной категории, которую составляют субстантивные дериваты со значением маскулинности, образованные от названий живых существ женского рода; при этом используются суффиксы *-ёл* (*козёл* ← *коза*) [24, § 379] и *-ец* (*стервец* ← *стерва*) [Там же, § 440]. Эта обычно не упоминаемая в работах по дериватологии категория, на наш взгляд,

¹ Отсубстантивное образование этого деривата (*лентяй* ← *лень*) признаётся также в словообразовательных словарях [28; 35]. Возможен и иной подход к трактовке отношений производности в данном словообразовательном гнезде: слово *лентяй* может соотноситься с глаголом *ленился* (*лентяй* – это тот, кто ленился [23, с. 22]; вряд ли можно так же просто и естественно охарактеризовать семантику слова *лентяй* с опорой на слово *лень*, которое само по себе, являясь отвлечённым существительным, должно рассматриваться как синтаксический дериват от глагола *ленился*). С учетом всего сказанного суффикс *-тяй* может принадлежать сферам как отсубстантивного (*слютняй* ← *слюни*), так и отглагольного (*лентяй* ← *ленился*) образования одушевлённых существительных.

включает не отмеченный в РГ 1980 [24] словообразовательный тип с суффиксом *-ун*, образующим разговорно-сниженные слова, такие как *балерун* (← *балерина*) и некот. др. [31, с. 35, 477]. Следовательно, можно говорить о трёх типах, формирующих данную словообразовательную категорию.

В анализируемое нами поле входит также группа из трех словообразовательных типов, составляющих модификационную словообразовательную категорию со значением незрелости. Семантика незрелости характеризует также только живые существа. В качестве деривационных средств выражения этого значения используются суффиксы *-онок* (*турчонок*), во мн. ч. *-ат(а)* (*турчата*), а также *-оныш* (*утёныш*) и *-чук* (*барчук*) [24, § 394-396].

От этой словообразовательной категории нужно отличать еще одну вполне самостоятельную категорию, дериваты которой выражают сразу два модификационных значения – ‘женскость’ и социальную ‘незрелость’ при помощи двух суффиксов: *-евн(а)* (*царевна* ‘дочь царя’, причём незамужняя, т.е. не приобретающая, по мнению окружающих, полноценного социального статуса) и *-ышн(я)* (*боярышня* ‘незамужняя дочь боярина’ [4]). Данная категория, как и рассмотренная выше категория маскулинности, не была, насколько нам известно, детально изучена в исследованиях по русскому словообразованию.

В качестве модификационных принято рассматривать и словообразовательные категории, обладающие не номинативными, а экспрессивными и функционально-стилистическими словообразовательными значениями. Одна из таких категорий объединяет 7 словообразовательных типов с суффиксами, которые обладают экспрессивными субъективно-оценочными значениями: *-ан(я)* (*папаня*), *-аш(а)* (*мамаша*), *-ун(я)* (*дедуня*), *-ур(а)* (*Сашура*), *-ус(я)* (*бабуся*), *-ут(а)* (*Анюта*), *-уш(а)* (*братуша*) [24, § 425-429]. Перечисленные уменьшительно-ласкательные суффиксы используются только при образовании одушевленных существительных, поэтому явная принадлежность таких суффиксов полю одушевленности не вызывает сомнений. Этого нельзя сказать о других экспрессивно-оценочных суффиксах, которые сочетаются как с одушевленными, так и неодушевленными производящими основами: *-ик* (ср. *Шурик* и *садик* – последний дериват не в диминутивном, а мелиоративном значении), *-очк(а)/-ечк(а)* (*мамочка* и *книжечка*), *-ул(я)* (*мамуля* и *книжуля*). Подобные суффиксы не информируют ни об одушевленности, ни о неодушевленности деривата.

Еще одну словообразовательную категорию анализируемого нами поля составляют три словообразовательных типа с суффиксами стилистической модификации: *-алей* (*дуралей*), *-ах(а)* (*деваха*), *-ох(а)* (*тетёха*) [Там же, § 437-440]. Эти суффиксы употребляются только при образовании одушевленных существительных, что должно учитываться при определении границ анализируемого нами словообразовательного поля.

Таким образом, есть основания говорить о существовании в различных сегментах поля одушевленности шести модификационных словообразовательных категорий: со значениями женскости (фемининности), маскулинности, незрелости, женскости и социальной «незрелости», а также со значениями экспрессивно-оценочной и стилистической модификации. Эти модификационные категории реализуются в 31 словообразовательном типе.

Кроме трёх рассмотренных выше обширных деривационных сфер реализации семантики одушевленности (отглагольные, отадективные и отсубстантивные словообразовательные типы существительных), отмечаются и единичные одушевленные существительные, мотивированные другими частями речи. Так, от наречий *сообща* и *почему* образуются дериваты анализируемого нами поля – соответственно *сообщник* (с суффиксальным морфом *-ник*) и *почемучка* (с суффиксальным морфом *-чк(а)*) [Там же, § 445]. От предлога *перед* образуется при помощи суффикса *-ок* дериват *предок* [Там же].

Итак, система (поле) дериватов, словообразовательное значение которых непосредственно включает гиперсему ‘живое существо’ как обобщение сем ‘лицо’ и ‘животное’ [25, с. 59] или же указывает на эту гиперсему опосредованно (косвенно: см выше о модификационных категориях), содержит, с учётом всего сказанного выше, более 120 словообразовательных типов.

Однако ситуация осложняется тем, что часто в рамках одного и того же словообразовательного типа, устанавливаемого в РГ 1980 [24], представлены дериваты, фактически относящиеся к разным словообразовательным полям. Ср., например: *смотритель* (поле «деятели», в терминологии О. Г. Ревзиной, т.е. поле одушевленности) и *рыхлитель* (по О. Г. Ревзиной, поле «вещи» – часть более широкого поля неодушевленности). Нужно сказать, что в современном русском языке, на основании данных РГ 1980 [Там же], можно выделить 86 подобных субстантивных словообразовательных типов, служащих для выражения значения как одушевленности, так и неодушевленности. Это типы отглагольной деривации, ср., например, производные слова с суффиксом *-ак*: *вожак* и *лежак* (подробнее о таких типах см.: [Там же, § 211-254, 450]), а также типы отадективных существительных, например с суффиксом *-иш*: *несмышленьиш*, *мякиш* [Там же, § 285-314, 458-462] и типы образования отсубстантивных существительных, ср. *помощник* и *салатник* [Там же, § 329-440, 465]. Вопрос об отношении словообразовательных типов, способных выражать как одушевленность, так и неодушевленность, к словообразовательным полям одушевленности и неодушевленности достаточно сложен и допускает различные решения (см. [32]), вплоть до разбиения таких типов на подтипы или даже самостоятельные типы. Так, выделенный в РГ 1980 [24, § 254] словообразовательный тип отглагольных существительных с суффиксом *-аж-* (ср.: *вихляй* ‘тот, что вихляется’ и *урожай*) Т. Ф. Ефремова фактически рассматривает как два разных типа с омонимичными суффиксами: *-аж-* (с алломорфами *-ердяж-*, *-таж-*, *-тяж-*) для одушевленных существительных типа *вихляй* и *-аж-* для неодушевленных существительных типа *случай*, *урожай* [12, с. 36-37].

В нашем исследовании словообразовательные типы, включающие и одушевленные, и неодушевленные дериваты, рассматриваются как подтипы одного словообразовательного типа, находящегося на пересечении

двух словообразовательных полей, при этом слова типа *вихляй* относятся к полю одушевлённости, а слова типа *урожай* – к полю неодушевлённости.

В рамках анализируемого словообразовательного поля, как и в любом языковом поле, можно выделить центр и периферию. Как определить, исходя из принципов полевого лингвистического анализа, какие из рассмотренных выше типов принадлежат центральному сегменту словообразовательного поля одушевленности, а какие относятся к периферии поля?

Мы считаем, что при установлении места словообразовательного типа в структуре поля необходимо учитывать: 1) особенности семантики словообразовательного типа, 2) регулярность типа и 3) его продуктивность.

Как было показано в первой части статьи, субстантивные словообразовательные типы, входящие в поле одушевлённости, имеют как мутационные, так и модификационные значения. Все представленные выше типы с мутационными словообразовательными значениями ('живое существо, характеризующее по действию' (*учитель*), 'живое существо, характеризующее по признаку' (*умник*), 'живое существо, характеризующее по предмету' (*школьник*) и т.п.), как непосредственно выражающие системообразующую сему 'живое существо', могут претендовать на место в центральном сегменте словообразовательного поля (при соблюдении других условий см. ниже).

Напротив, все словообразовательные типы с модификационными значениями, лишь опосредованно указывающими на признак одушевлённости, относятся к периферии поля.

При этом модификационные типы, которые указывают на живое существо благодаря своему значению ('женскость', 'незрелость'), находятся ближе к центру (на «ближней периферии»), чем принадлежащие «дальней периферии» поля словообразовательные типы, имеющие экспрессивно-оценочные и функционально-стилистические модификационные значения. Дело в том, что такие словообразовательные значения не связаны непосредственно с одушевлённостью (ср.: *книжечка*, *велик*, *комп* и т.п.). Значит, указанные в первой части нашей статьи словообразовательные типы с экспрессивно-оценочной и функционально-стилистической семантикой связаны с полем одушевлённости не семантически, а лишь функционально: благодаря тому, что именно их словообразовательные форманты образуют только одушевлённые дериваты.

Исключительно важны для характеристики словообразовательного типа признаки регулярности и продуктивности [6; 12; 17, с. 386-388; 24]. С учётом этих признаков можно корректно решать вопрос о реальном месте деривата в словообразовательном поле.

Степень регулярности словообразовательного типа связана с его количественными характеристиками, с числом дериватов, образованных при помощи данного словообразовательного форманта. Сравним два словообразовательных типа – с суффиксами *-льщик* и *-евт*.

Суффикс *-льщик* обычно рассматривается как регулярный словообразовательный формант, используемый при образовании отглагольных существительных [12, с. 255]. Высокая степень регулярности словообразовательного типа с суффиксом *-льщик* подтверждается словарными данными: в Грамматическом словаре русского языка [14] мы находим более 250 дериватов типа *бороновальщик*, *гадальщик*, *нагребальщик*, *обшивальщик*, *промывальщик*, *ссучивальщик*, *страховальщик*, *холодильщик* и т.п.

Что касается суффикса *-евт*, то в Грамматическом словаре русского языка [Там же] содержится лишь 6 слов, оканчивающихся на *-евт*: *терапевт*, *иглотерапевт*, *психотерапевт*, *сексотерапевт*, *физиотерапевт*, *фармацевт*; еще одно, седьмое, слово (*гидротерапевт*) находим в Словообразовательном словаре русского языка [28]. Нерегулярный, по Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка [12, с. 118], словообразовательный суффикс *-евт* образует отсубстантивные имена от производящих *терапия* (а также от сложений *иглотерапия*, *психотерапия*, *физиотерапия* и т.п.) и *фармация* [28, т. 2, с. 220-221, 304]. Но не во всех указанных словах суффикс *-евт* выполняет функцию словообразовательного форманта. Потенциальное производящее для деривата *сексотерапевт* (*сексотерапия*) в словаре РГ 1980 [24] отсутствует, нет этих слов ни в (БТС) [4], ни в других толковых словарях русского литературного языка. Как это ни странно, *сексотерапия* отсутствует и в Грамматическом словаре русского языка [14], где мы находим 38 сложных слов с опорным компонентом *-терапия*, включая такие, как *шокотерапия*, *диетотерапия*, *мототерапия*, *фототерапия*. Поэтому аффиксальный способ образования деривата *сексотерапевт* словарно не подтверждается. Перед нами, вероятнее всего, не суффиксальный дериват, а чистое сложение (*секс* + *терапия*) с вставкой интерфикса *-о-*. В любом случае данный суффиксальный тип образования одушевлённых дериватов отличается низкой степенью регулярности.

На первый взгляд, из сравнения словообразовательных типов с суффиксами *-льник*- и *-евт*- должен следовать вывод: если в центральном сегменте словообразовательного поля выделять самую центральную часть (ядро) и такие части центрального сегмента, которые располагаются на границе с периферией поля, то высокорегулярный тип с суффиксом *-льник*, насчитывающий сотни дериватов, должен занять место в ядерной части центрального сегмента поля, а нерегулярный (точнее, отличающийся низкой степенью регулярности¹) тип с суффиксом *-евт* – в самой окраинной части центрального сегмента.

Однако окончательное решение по этому вопросу можно принять, сравнив эти типы ещё по одному признаку – признаку продуктивности, т.е. способности типа к пополнению новыми дериватами.

¹ Как нам кажется, вряд ли можно назвать нерегулярным словообразовательный тип, насчитывающий несколько, например шесть, дериватов. Нерегулярными в строгом смысле слова, на наш взгляд, являются типы, включающие один дериват; ср. тип отадвербиальных имен, представленный только словом *почемучка*.

Вопрос о том, какие из словообразовательных типов, входящих в поле одушевлённости, являются в настоящее время продуктивными, а какие утратили способность к образованию новых дериватов, является одним из наименее изученных. Сведения о продуктивности суффиксов, выражающих значение одушевлённости, есть в целом ряде публикаций [12; 24]. Однако эти сведения отражают состояние деривационной системы русского языка не на современном этапе, а в последние два-три десятилетия прошлого века.

Между тем анализируемое в данной статье словообразовательное поле одушевлённости развивается, оно широко представлено в русском языке начала XXI века. Ср. многочисленные примеры из «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Складневской [29]: *биоритмолог* (← *биоритмология*), *блоггер* (← *блог*), *декларант* 'лицо, предъявляющее декларацию'¹ (← *декларация*), *мемориалец* (← «*Мемориал*») и т.п.

Актуальная лексика XXI века, по определению Г. Н. Складневской, – это «та часть лексического состава современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные языковые процессы последних годов XX – начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и на языковое сознание его носителей» [Там же, с. 6].

Актуальная лексика включает, прежде всего, неологизмы XXI века типа *вейкбордист*, *интернетчик* и т.п. Условимся считать неологизмами XXI века все слова, которые не вошли в самые полные толковые словари, подготовленные к печати и изданные в самом конце прошлого века (в частности в (БТС) [4], включающий около 130 000 слов).

Но, кроме неологизмов, актуальная лексика включает также пласт вполне «традиционной» лексики. Этот лексический пласт актуальной лексики XXI века включает наиболее значимые в данный момент для общественной, политической, экономической и культурной жизни социума слова, которые активно употреблялись в течение многих десятилетий, однако до сих остались для общества весьма актуальными (*вкладчик*, *кредитор*, *коммунист*, *либерал*, *потребитель*, *спекулянт*, *эколог* и пр.). Многие из подобных «традиционных» слов претерпели в конце XX – начале XXI века реактуализацию, вернулись из пассивного запаса в активный речевой оборот. Таковы, например, заметно активизировавшиеся в последнее время слова религиозного дискурса: *алтарник*, *мирянин*, *пастырь*, *свяtitель* и т.п.

Изучение особенностей реализации словообразовательного поля одушевлённости в актуальной лексике начала XXI века позволяет уточнить выводы о структуре поля, о его центральном сегменте и о периферии. Поэтому ТС XXI [29] является очень важным источником языкового материала для нашего исследования.

Методом сплошной выборки из ТС XXI [Там же] были извлечены все одушевлённые слова, а также одушевлённые лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных слов типа *агент*₁². В результате материал для исследования составил 1301 актуальную для современного русского языкового сознания лексическую единицу (слов и ЛСВ многозначных слов), которые имеют значение неодушевлённости.

Словообразовательный анализ этой лексико-семантической подсистемы показал, что её основу составляют производные лексические единицы. Лишь 150 актуальных лексических единиц (т.е. 11,53% от состава анализируемой базы данных) являются производными: *агент*₁, *атаман*, *брокер*, *инсайды*₂ 'в хоккее, футболе – полусредний нападающий', *лама*, *омбудсмен*, *папарацци*, *спикер* и др. Остальные лексические единицы (88,47% от состава собранной нами картотеки) являются производными, и для многих из них (прежде всего, суффиксальных, но не только) словообразовательный формант является непосредственным или опосредованным знаком неодушевлённости (*валеолог* 'специалист в области медицины, изучающей не болезни, а проблемы сохранения здоровья', *подписант*, *хиппарь*, *экстремал* и мн. др.).

Невозможно в рамках журнальной статьи представить все результаты проведённого нами исследования. Мы расскажем лишь об основных из них, о выводах, позволяющих решать вопрос о принципах установления структуры словообразовательного поля одушевлённости и изучения динамики его развития в современных условиях.

Материал, предоставляемый словарём актуальной лексики XXI века, очень полезно сопоставить с той информацией, которая содержится в РГ 1980 и других публикациях, содержащих описание языкового материала последней трети XX века.

Это сопоставление позволяет, например, понять, изменилась ли за прошедшие десятилетия продуктивность рассмотренных нами ранее словообразовательных типов – высокорегулярного типа с суффиксом *-льщик* и обладающего незначительной регулярностью типа с суффиксом *-евт*.

Словообразовательный тип с суффиксом *-льщик* был в прошлом веке, по наблюдениям авторов словообразовательного раздела РГ 1980, «продуктивен в профессиональной терминологии и в разговорной речи: *нагнетальщик*, *разделяльщик* (спец.); оказ.: *слушал, глядясь в разговорльщиков спокойными глазами* (Герман); *развлекальщик*, *доставальщик* (устн. речь)» [24, § 214]. О продуктивности данного типа в прошлом веке пишет и Т. Ф. Ефремова [12, с. 255]. Но в рамках актуальной лексики XXI века (см. [29]), как это ни удивительно, мы не найдём ни одного одушевлённого существительного с морфом *-льщик*. Рабочие профессии, обозначаемые существительными типа *нагнетальщик*, *разделяльщик*, утратили свою значимость для социума в сравнении с «модными» профессиями, обозначаемыми словами типа *менеджер*, *компьютерщик*,

¹ Здесь и ниже толкование актуальных слов XXI века осуществляется с опорой на ТС XXI [29].

² Слово *агент*₁, в отличие от своего омонима *агент*₂ 'вещество, вызывающее сильную аллергическую реакцию', имеет два актуальных значения: 1. Официальный представитель учреждения, организации, выполняющий служебные поручения, и 2. Организация, учреждение, представляющие интересы других учреждений или частных лиц. В нашу картотеку вошёл лишь первый ЛСВ слова *агент*₁ (*агент*₁, 1).

модератор ‘администратор телеконференции, форума, чата, следящий за соответствием публикуемых сообщений тематике и соблюдением правил’ и т.п.

Правда, в ТС XXI [Там же] есть одно слово с морфом *-ельщик*: *плательщик* (← *платить*), ср. также в РГ 1980 [24, § 214]: *молельщик* (*молиться*). Если даже признать, что *-ельщик* является алломорфом суффиксальной морфемы *-щик* (оснований для этого мало, морф *-льщик*, в отличие от *-щик*, признаётся нерегулярным [12, с. 123]), то всё равно наличие деривата *плательщик* не может являться аргументом в пользу продуктивности типа. *Плательщик* – не неологизм XXI века, слово обнаруживается уже в словаре XIX века [10, т. 3, с. 122].

Следовательно, можно предположить если не полную утрату данным типом своей продуктивности, то, по крайней мере, сведение продуктивности типа к окказиональной лексике (дериваты типа *говорильщик* могут появляться, очевидно, и в наше время, но они как авторские неологизмы не входят в число актуальной для социума лексики). Не утратив своей регулярности, тип перестаёт быть таким же продуктивным, каким он был несколько десятилетий тому назад.

Неожиданным оказывается и поведение в XXI веке словообразовательного типа с суффиксом *-евт*. Как сказано в академической грамматике 1980, данный тип в прошлом веке был непродуктивным [24, § 379]. Этот вывод устарел, так как в числе актуальной лексики XXI века мы находим два новых деривата: *ароматерапевт* ‘специалист в области ароматерапии’ (← *ароматерапия* ‘метод лечения, основанный на использовании полезных свойств ароматов’) и *биоэнерготерапевт* (← *биоэнерготерапия* ‘лечение заболеваний с помощью биоэнергии, биоэнергетического воздействия экстраенса’).

Таким образом, высказанное ранее предположение о том, что регулярный словообразовательный тип с суффиксом *-льщик* непременно должен занять место в ядерной части центрального сегмента поля одушевленности, может быть оспорен новыми данными об утрате типом былой продуктивности. Требуется дополнительного осмысления и предположение о том, что нерегулярный, согласно РГ 1980 [24], тип с суффиксом *-евт* должен быть отнесен к границам центрального сегмента поля. Отмечаемая в ТС XXI [29] продуктивность этого типа укрепляет его позиции в структуре поля.

Таким образом, место словообразовательного типа в структуре поля зависит не только от характера словообразовательного значения типа и его регулярности, но в немалой степени и от его продуктивности.

В специальной литературе уже были представлены и охарактеризованы все возможные комбинации признаков регулярности и продуктивности словообразовательного типа [17, с. 387-388]. Тип может быть:

1) регулярным и продуктивным (таков тип отадъективных существительных с суффиксом *-ость*: *злость, серость*);

2) регулярным, но непродуктивным (таков тип отадъективных существительных с суффиксом *-ом(а)*);

3) нерегулярным, но продуктивным (речь идёт не о нерегулярных типах в строгом понимании, когда тип представлен только одним дериватом, а о типах с низкой степенью регулярности, которые по традиции называются нерегулярными, ср. рассмотренный выше тип отсубстантивных существительных с суффиксом *-евт*: *фармацевт, терапевт* и т.п.);

4) нерегулярным (в том числе с низкой степенью регулярности) и непродуктивным (таковы словообразовательные типы, включающие дериваты *попадьа* – 1 дериват, *пастух, петух*, уст. и разг. *питух* – 3 деривата и т.п.).

Эти комбинации признаков словообразовательных типов определяют их место в словообразовательном поле. Естественно предположить, что регулярные и продуктивные типы с мутационным словообразовательным признаком ‘живое существо, характеризующее по действию/признаку/ предмету’ составляют ядро центрального сегмента поля одушевленности. Регулярные, но непродуктивные типы образуют приядерную зону этого сегмента поля, далее располагаются обладающие низкой степенью регулярности, но тем не менее продуктивные типы. Наконец, окраинную, граничащую с периферией поля, часть центрального сектора поля составляют нерегулярные и непродуктивные типы.

В ТС XXI [29] нами были обнаружены 83 суффиксальных типа образования одушевленных существительных, при этом 60 типов имеют мутационную словообразовательную семантику, а 23 типа – модификационную.

Мутационная семантика прямого обозначения живого существа реализуется в нескольких регулярных словообразовательных типах. Так, с помощью суффикса *-ер* образуется 44 актуальных для XXI века отсубстантивных деривата: *андеррайтер* ‘высококвалифицированный специалист в сфере покупки ценных бумаг’ (← *андеррайтинг*), *инсайдер* ‘лицо, имеющее по своему служебному положению доступ к конфиденциальной информации’ (← *инсайд*), *мерчандайзер* ‘специалист по стимулированию торговой деятельности’ (← *мерчандайзинг*) и т.п. 36 отсубстантивных дериватов образовано с помощью суффикса *-ник*: *киберпреступник* (← *киберпреступление*), *суицидник* (← *суицид*) и пр. Как показывают приведённые примеры неологизмов, эти типы продуктивны, как и целый ряд других; все они входят в ядерную часть центрального сегмента анализируемого словообразовательного поля.

Но особое место среди словообразовательных типов, принадлежащих ядру данного поля, занимает тип отсубстантивных существительных с суффиксом *-ист* (115 дериватов: *антиглобалист, аутентист* ‘музыкант, исполняющий старинную музыку в аутентичной манере’, *кайтсёрфингист* ‘спортсмен, катающийся на кайте – воздушном змее в виде паруса’, *мачист* ‘мужчина, придерживающийся культа мужественности’ и мн. др.). Тип не только очень регулярен (следующий по рангу употребительности в актуальной лексике тип с суффиксом *-ер*, который был охарактеризован выше, образует почти в три раза меньше дериватов), но и высокопродуктивен. Он содержит множество неологизмов XXI века; выше была приведена лишь незначительная часть дериватов, подтверждающих продуктивность этого типа.

Нужно сказать, что суффикс *-ист* до сих пор считался способным образовывать преимущественно от-субстантивные и лишь иногда отадективные дериваты типа *ручнист* ‘лицо, занимающееся ручной продажей’ [16, с. 104]. Но в БТС [4] и ТС XXI [29] зафиксирован дериват *приколист* ‘человек, который любит прикалываться’, т.е. разыгрывать окружающих. В языке XXI века этот продуктивный суффикс продолжает внедряться в сферу отглагольного словообразования. В ТС XXI [Там же] нами был обнаружен дериват *бомбист* – омоним не актуального для наших дней (отсутствует в БТС [4]) отсубстантивного архаизма *бомбист* ‘террорист, использующий бомбу’. *Бомбист* XXI века (однокоренной синоним – *бомбила*) – это человек не с бомбой в руке, а на личном автомобиле (‘водитель-частник, который «бомбит», т.е. занимается несанкционированным извозом’).

Следовательно, буквально на наших глазах нерегулярный тип отглагольных одушевлённых существительных с суффиксом *-ист* стал продуктивным и поэтому чуть более регулярным, чем прежде. Конечно, его место пока не в ядерной части центрального сегмента словообразовательного поля, он дальше от ядра поля, чем рассмотренный ранее тип с достаточно регулярным, но не подтвердившим своей актуальной продуктивности суффиксом *-щик*. Время покажет, станет ли тип отглагольных имён с суффиксом *-ист* настоящим регулярным и высокопродуктивным, продвинется ли он ближе к ядру поля, оторвётся ли он от находящихся в следующей по удалённости от ядра зоне центрального сегмента поля, включающего нерегулярные и непродуктивные словообразовательные типы (ср. дериваты *попададя*, *королева* и т.п. [6, с. 426-427]), которые граничат с периферией поля и нехарактерны для актуальной лексики XXI века.

Что касается периферии словообразовательного поля одушевлённости, то она формируется словообразовательными типами с модификационной семантикой, которые, как было сказано выше, по характеру своего словообразовательного значения (не прямое, а опосредованное указание на сему ‘живое существо’) не могут войти в центральный сегмент поля.

Словообразовательные типы такого рода представлены четырьмя словообразовательными категориями из шести установленных нами выше¹:

1) с номинативным значением женскости; чаще всего используются регулярные и продуктивные суффиксы *-к(а)* – *кёрлингистка*, *толкиенистка* и т.п. (37 дериватов), а также регулярный, но непродуктивный суффикс *-ниц(а)* – *артарница*, *яблочница* и др. (28 дериватов); первый из указанных типов ближе к центральной части словообразовательного поля одушевлённости, чем второй;

2) с номинативным значением невзрослости – обнаружен только один дериват с суффиксом *-онок*: *бомжонок*;

3) с экспрессивно-оценочным значением: *блатняга* (от субстантивата *блатной*₄ ‘представитель преступного мира’), *ламó* (от *ламер* ‘неопытный пользователь, считающий себя сведущим в компьютерах’), *блатарь* и т.п.;

4) со значением функционально-стилистической модификации: *хиппи* (стилистически нейтральное слово) → *хиптарь* (жаргонизм). Нужно сказать, что изменение функционально-стилевой характеристики деривата по сравнению с производящим часто сопровождается экспрессивно-оценочной деривацией. Например, словообразовательный формант деривата *коммуняка* выражает не только экспрессивную оценку лица говорящим, но и отнесенность деривата к разговорной речи (в отличие от стилистически не маркированно-производящего *коммунист*).

Есть основания считать, что первые две словообразовательные категории из рассмотренных только что, семантически связанные со значением ‘живое существо’, находятся ближе к центральному сегменту анализируемого словообразовательного поля, чем две последние категории, связанные с полем лишь функционально, а именно благодаря способности некоторых аффиксов образовывать только одушевлённые дериваты (хотя синонимичные им аффиксы могут быть использованы при образовании и неодушевлённых существительных).

Таким образом, анализ словообразовательной семантики одушевлённых существительных и изучение того, как соотносятся признаки регулярности и продуктивности соответствующих словообразовательных типов, позволяют структурировать словообразовательное поле одушевлённости в современном русском языке, делать выводы о строении центра и периферии этого поля.

Список литературы

1. **Абросимова Л. С.** Словообразовательное поле глаголов, производящей базой которых являются существительные в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 1994. 190 с.
2. **Араева Л. А.** Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.
3. **Бондарко А. В.** Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 258 с.
4. **Большой толковый словарь русского языка (БТС)** / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. **Веселая Е. В.** Комплексное словообразовательное поле собственно английских глаголов как основная часть комплексного словообразовательного поля глаголов в современном английском языке (на основе анализа словаря Concise Oxford English Dictionary, 11th ed., 2004) [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. URL: http://hses-online.ru/2009/03/10_02_04/05.pdf (дата обращения: 07.06.2016).
6. **Винокур Г. О.** Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419-442.
7. **Володин А. П.** О функционально-семантическом поле одушевлённости/неодушевлённости // Исследования по языкознанию: сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 36-43.

¹ Категории маскулинности, а также женскости в сочетании с социальной «невзрослостью» в ТС XXI [29] не представлены.

8. **Вотякова И. А.** Словообразовательное поле в структуре номинативного поля концепта [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnoe-pole-v-strukture-nominativnogo-polya-kontseptta> (дата обращения: 07.06.2016).
9. **Грамматика русского языка** / под редакцией В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. I. 719 с.
10. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981-1982. Т. 3. 576 с.
11. **Дьячкова Е. С.** Формирование словообразовательного поля полусуффиксов в современном английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 61. С. 110-115.
12. **Ефремова Т. Ф.** Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.
13. **Загоруйко А. Я.** Словообразовательное поле глаголов в современном английском языке // Актуальные проблемы лексических и синтаксических микросистем. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2000. С. 8-24.
14. **Зализняк А. А.** Грамматический словарь русского языка: словоизменение. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Русские словари, 2003. 800 с.
15. **Земская Е. А.** Словообразование // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2002. С. 286-441.
16. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность. Изд-е 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 224 с.
17. **Клобуков Е. В.** Словообразование // Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. С. 343-401.
18. **Клобуков Е. В., Шакар Р.** Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2016. № 3. С. 15-27.
19. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
20. **Милькевич Е. С.** Словообразовательное поле отглагольных существительных в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 1996. 18 с.
21. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.06.2016).
22. **Погребная И. Ф.** Словообразовательное поле прилагательных в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 1998. 187 с.
23. **Ревзина О. Г.** Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 154 с.
24. **Русская грамматика** (РГ 1980) / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 2005. Т. I. 784 с.
25. **Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений** / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. I. 807 с.
26. **Саркисьянц В. Р.** Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля глаголов в современном английском языке: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2003. 167 с.
27. **Современный русский язык: морфология** / под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 519 с.
28. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 1. 860 с.; Т. 2. 941 с.
29. **Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика (ТС XXI)** / под ред. Г. Н. Скляревой. М.: Эксмо, 2007. 1136 с.
30. **Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике** / под ред. Ю. Н. Власовой и Ю. В. Дашко. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 1998. 360 с.
31. **Химик В. В.** Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
32. **Шакар Р.** К изучению словообразовательных средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 5. С. 47-58.
33. **Шакар Р.** Особенности выражения семантики одушевлённости-неодушевлённости словообразовательными средствами русского языка [Электронный ресурс] // ЛОМОНОСОВ-2016: материалы Международного молодежного научного форума / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2016. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
34. **Шакар Р.** Функционально-семантическое поле одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке // Слово. Грамматика. Речь: материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 26-28 ноября 2015 г.). М.: МАКС Пресс, 2015. Выпуск XVI. С. 682-685.
35. **Ширшов И. А.** Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ; Астрель; Русские словари; Ермак, 2004. 1022 с.
36. **Dokulil M.** Tvoření slov v češtině. Praha, 1962. Т. 1. 219 с.

SPECIFICS OF REALIZATION OF THE WORD-FORMATIVE FIELD OF ANIMATENESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Shakar Reshat

*Lomonosov Moscow State University
resatsakar@hotmail.com*

The article presents the results of studying the system of word-formative types of nouns which due to their word-formative structure participate in the manifestation of the meaning “living being”, i.e. constitute the word-formative field of animateness. The conclusions on the word-formative type’s productivity are made on the basis of the data of the “Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Actual lexicon”. The paper proposes the methodology to identify the center and periphery of the word-formative field under analysis.

Key words and phrases: linguistic field; structure of the word-formative field of animateness; relevant vocabulary of the XXI century; word-formative type’s frequency; productive word-formation types.